

Октября 8 (21)

Священномученик
Владимир Сперанский

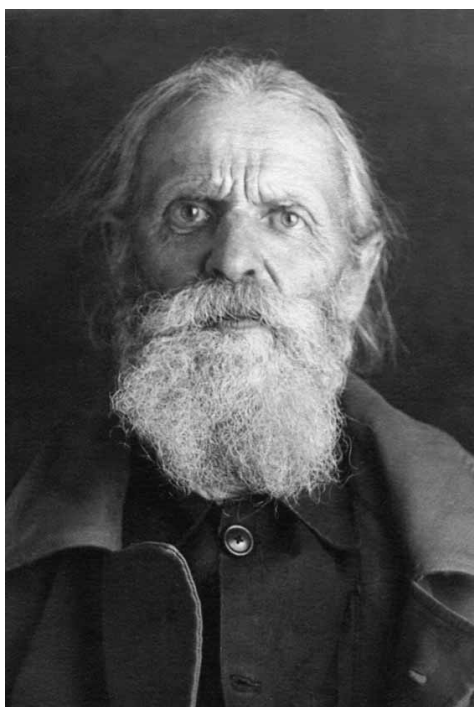
Священномученик Владимир родился 23 марта 1877 года в городе Суздале Владимирской губернии в семье священника Василия Сперанского. В 1899 году Владимир Васильевич окончил Владимирскую Духовную семинарию и в течение двух лет работал учителем. В 1901 году он был рукоположен во диакона и затем во священника. Первым местом его служения стал храм в селе Петрово Екатеринославской губернии. До 1933 года он служил в этой области и последним местом его служения здесь был храм в городе Александрия. В 1933 году отец Владимир переехал в Московскую область и был направлен служить в Талдомский район в храм во имя Преображения Господня в селе Запрудня, которое жители по старинке продолжали называть село Гари, как называлось оно в XVII веке, когда здесь была построена деревянная церковь, на месте которой в XVIII веке была построена каменная.

Как-то в январе 1937 года молодой человек, служивший в то время в Егорьевском военкомате писарем, пришел на побывку в село Запрудня, из которого был родом, а затем стал возвращаться в часть. Идти нужно было пешком до железнодорожной станции Вербилки. Попутчиком его оказался священник из храма в Запрудне, он стал расспрашивать солдата о жизни в армии, о бытовых условиях военнослужащих и вообще, как военному человеку живется и насколько он обеспечен довольствием и оружием. Священнику, например, от некоторых прихожан стало известно, что дети их жалуются на недостаток пищи в армии и просят в посылке прислать сухарей. Сам он со своей стороны сообщил, что знает, что Советская армия на Дальнем Востоке снабжена всем необходимым и имеет в достаточном количестве необходимое вооружение. Писарь спросил, что он думает о существующем строе и удовлетворяет ли он его. Священник ответил, что раньше был царь, а сейчас Сталин – разницы никакой, у нас приветствуют Сталина, а в Германии Гитлера. После того, как они расстались, писарю показался подозрительным разговор со священником, и он написал в НКВД донесение, что священник интересуется сведениями разведывательного характера.

Вслед за этим писарь был вызван в НКВД и 17 апреля 1937 года допрошен. Следователь спросил его, из чего он сделал вывод, что священник занимается сбором информации о вооружении Советской армии. Писарь ничего убедительного не мог показать, сказал лишь, что ему показалось подозрительным, что священник так подробно осведомлен о вооружении армии на Дальнем Востоке.

На этом все и закончилось, но в августе 1937 года в отделение НКВД пришел приказ о проведении массовых арестов и перечислены были категории лиц, которых следовало арестовать, к ним относились и священнослужители. Сотрудник Талдомского отдела НКВД вызвал к себе одного из секретных осведомителей и попросил раздобыть сведения о служившем в селе Запрудня священнике. Штатных осведомителей в те годы было так много, что, наверное, не было человека, с которым бы такой осведомитель не состоял в дальнем или близком знакомстве. И осведомитель нашел человека, знавшего священника из

Запрудни, и тот, нимало не ведая, для чего это нужно, все рассказал о священнике.

*Священник Владимир Сперанский
Москва. Таганская тюрьма. 1937 год*

15 августа 1937 года осведомитель уже сообщил обо всем, что узнал, сотруднику НКВД. «В отношении служителя культа села Гари гражданина Сперанского от гражданина фабрики “Вербилки”, – сообщил он, – пришлось почерпнуть следующие сведения. Действительно, Сперанский служил где-то далеко, жил, как говорят, припеваючи, имея много земли, лес, сад и скот, чувствовал, одним словом, себя настоящим помещиком. Был выслан, отбыл и вернулся, но ввиду сложившихся пережитков у Сперанского до сих пор хранится какая-то затаенная неприязнь к советской власти. Сперанский здоровый скрытый политик. Своих тайн и своих убеждений он не высказывает никому, разве только своему близкому верному человеку.

Народ относится к нему с большим доверием и уважением, считая его за человека разумного и влиятельного, а потому охотно спешит послушать его проповеди, которые он обычно произносит каждый праздник; посещают его на дому, но о чем там ведутся беседы, остается тайной. Правда, проповеди он произносит на евангельские темы, но все же для большего внушения и эффекта выводы приурочивает к современному положению.

Считаю не лишним указать один пример его проповеди, которую он произносил в Неделю о слепом. Говорил он об исцелении слепого, который действительно был лишен всякого зрения и ему простительно было ходить и блуждать где придется. Но эту евангельскую слепоту он приурочил к современному положению, в том смысле, что все мы, имея зрение, все же стали слепы, не видим, куда идем, блуждаем, путаемся, как слепые... Вот, видимо, его большая струнка при переходе к выводам от Евангелия к социализму. О предоставлении права по новой сталинской конституции служителям культа быть избирателями и быть избранными Сперанский рассуждает так: “Выборы

служителям культа не нужны и ходить на них не следует, живо попадешь в агитаторы; служители культа должны твердо стоять на своем посту и только с церковной кафедры, особенно теперь, когда предоставлено право свободы слова, бороться за Церковь и религию, особенно в настоящее время, когда агитационная работа и антирелигиозная пропаганда значительно увеличиваются”».

21 августа 1937 года отец Владимир был арестован и в течение двух дней допрошен. Следователь попросил священника рассказать о себе и, выяснив, что он жил на территории Екатеринославской губернии в 1919 году, когда там шла гражданская война, спросил:

– В селе Осокоровка, где вы служили, проходили ли расстрелы и аресты коммунистов и других советски настроенных лиц со стороны белых и банд?

– Расстрелов в селе Осокоровка я не помню, аресты и порки были. В период нахождения власти в руках Скоропадского австрийские войска арестовывали крестьян, участвовавших в разгроме имения графа Воронцова-Дашкова, и уводили для порки в это имение, в котором был расположен штаб австрийских войск. Во время пребывания банды Махно были случаи насильственного увода с лошадьми некоторых крестьян.

– Вы подвергались допросу штабом австрийских войск в имении графа Воронцова-Дашкова?

– Не подвергался.

– Вы были знакомы с графом Воронцовым-Дашковым?

– Нет.

– А с управляющим его имением?

– Был знаком, бывал у него в доме не раз.

– Когда происходили расправы с крестьянами в имении графа, тогда там был управляющий его имением?

– Не знаю.

– Следствие вам предъявляет обвинение в том, что вы, будучи служителем религиозного культа, вели антисоветскую деятельность.

– В этом я виновным себя не признаю.

– Следствие располагает данными, что вы, находясь на территории, занятой контрреволюционными войсками, входили с ними в контакт и содействовали очищению территории от советски настроенных людей. Признаете ли вы себя в этом виновным?

– В этом виновным я себя не признаю.

– Следствие располагает данными, что вы в январе сего года по дороге на станцию Вербилки обрабатывали в контрреволюционном духе красноармейца. Признаете вы себя в этом виновным?

– Виновным себя в этом не признаю. Я не отрицаю того, что в январе я действительно шел вместе от Запрудни к станции Вербилки и вел разговор о службе в Красной армии. В этом разговоре я интересовался бытовыми условиями в Красной армии, правда ли, что ухудшилось питание в Красной армии.

– О вооружении на Дальнем Востоке вы передавали сведения при разговоре с красноармейцем? Откуда вы эти сведения получили?

– Таких сведений я ему не передавал, возможно, что о вооружении на Дальнем Востоке мы и вели разговор, но я еще раз повторяю, что никаких сведений не передавал, так как, кроме того, что пишут в газетах, я о вооружении на Дальнем Востоке представления не имею.

– Следствие предъявляет вам обвинение в том, что вы как служитель религиозного культа во время службы в церкви произносили проповеди антисоветского содержания.

– Признаю только то, что проповеди во время службы я произносил, все мои проповеди являлись по своему содержанию чисто религиозными, но признаю и то, что в этих проповедях я затрагивал и осуждал учение безбожников.

– Следствие еще раз предлагает вам искренне признаться в антисоветской деятельности против существующего строя.

– В этом виновным я себя не признаю, считаю, однако, необходимым признать, что я по своему мировоззрению являюсь идеалистом религиозного характера и учение материалистическое не признаю в корне и считаю его своему мировоззрению враждебным. Поэтому я не согласен с действиями коммунистической партии в нашей стране, когда она навязывает свое мировоззрение другим гражданам, мыслящим по-другому.

29 августа следствие было закончено, и священник был заключен в Таганскую тюрьму в Москве, где и находился все время в ожидании решения своей участи. 19 октября тройка НКВД приговорила отца Владимира к расстрелу. Священник Владимир Сперанский был расстрелян на полигоне Бутово под Москвой 21 октября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Дополнительный том 3». Тверь, 2005 год, стр. 135-141.